

Сергей Филатов

Лютеранство по-русски. Лютеранство по-сибирски

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. в России появились едва ли не все религиозные течения, существующие в мире. В разных концах страны медитировали представители разнообразных течений буддизма, а каких только индуистов можно было встретить на улицах российских городов! Самые различные и импортные, и выросшие на российской почве НРД пугали и приводили в ярость патристически настроенных обывателей. Сейчас, к концу 10-х гг. от всего этого многоцветия остались крохи. Одни религиозные группы исчезли, другие уменьшились и присмирели до такой степени, что их нужно долго и профессионально искать. Но на общем фоне этого духовного увядания есть одно важнейшее исключение – это протестантизм. Сейчас протестантизм представлен в России практически всеми существующими в природе деноминациями. Он сохранил достижения 90-х годов и, несмотря на нынешнюю неблагоприятную обстановку, продолжает, хотя и медленнее, развиваться и расти. Наибольших успехов во всех смыслах достигли евангелики, а среди них – пятидесятники, среди же пятидесятников – харизматы.

Евангелические церкви представляют среди различных течений христианства антипод православия. Отсутствие таинств, простое и связанное с современной попкультурой богослужение, последовательный отказ от роскошных церковных облачений, постов и монашеской аскезы, дорогого оформления церковных зданий, ориентация на решение каждодневных проблем верующих, отсутствие интереса к сложным богословским проблемам при постоянном чтении и изучении Библии и в то же время – громадное значение в религиозной жизни помощи ближнему, различных форм благотворительности – все это делает евангелические церкви принципиальной альтернативой православия. Это другая христианская духовность, другое христианское сознание. Не все люди ищущие Бога и общины близких по духу верующих, в которой они чувствуют себя среди единомышленников, могут найти себя в РПЦ. Церкви евангеликов – наиболее отличный от православия вариант христианства. Именно он среди различных протестантских деноминаций и стал наиболее привлекательным в наши дни.

В современных протестантских деноминациях большинство приверженцев составляют люди, пришедшие к вере после падения советской власти. Не семья и не патристические чувства привели их в церковь, но обретенная вера. Привлекательность протестантизма, альтернативы традиционной православной религиозности внутри христианства, служит доказательством того, что народы России имеют в душе значительную предрасположенность к христианству. Тот факт, что представители постсоветских народов находят себя в нетрадиционном для себя христианстве, в христианстве не могущем претендовать на роль возрожденной традиции и символа национальной идентичности, как это не покажется на первый взгляд парадоксальным, свидетельствует и о том, что для обращения в православие есть более глубокие и благородные причины, чем «когда я русский – значит православный, «как деды наши лбы крестили, так и мы будем».

Присутствие поисков христианской веры в личном и общественном сознании народа кого-то привело в протестантизм, а кое-кого – в православие. Причём выбор происходит почти исключительно внутри христианства.

Среди многочисленных течений протестантизма существующих в нашей стране сейчас лютеранство занимает относительно скромное место. Однако глубокие исторические и культурные корни на русской земле, равно как и своеобразие вероучения и организации церковной жизни, заставляют относиться к лютеранству с гораздо большим вниманием, чем к этому обязывает скромная численность российских лютеран. «Русское ревю» не раз писало о российском лютеранстве (№2 (май 2005): Трагедия российских немцев и российская религиозность. Сергей Филатов, Роман Лункин; №12. (июнь-июль 2006): Епископ Арри Кугаппи: «Мой патриотизм – в том, чтобы в России появилось больше людей духовных, которые в случае разногласий не избивали бы друг друга, а воздействовали бы словом. Патриотизм – не кулачное дело, а забота, ответственность за ближнего, за процветание своей земли, Родины».

Интервью епископа Арри Кугаппи, главы Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии на территории России, Анастасии Коскелло; Инкультурация по-ингерманландски. Анастасия Коскелло; Пастор Владимир Владиславович Кюнтцель: «Только сейчас в России возникает небольшая группа приходов ЕЛЦ, решивших свои организационные, кадровые и строительные вопросы. Ожидаю, что они смогут проявить существующий в лютеранстве потенциал». Интервью пропста Центрального пропства Евангелическо-Лютеранской Церкви Европейской части России, настоятеля московской церкви Петра и Павла Владимира Владиславовича Кюнтцеля Сергею Филатову; №15 (декабрь 2006): Даниил Соболев: ЕЛЦР отличается от других лютеранских церквей в России двумя принципиальными позициями: надэтнической концепцией церковного строительства и приверженностью к лютеровским принципам конгрегационализма. Интервью епископа Евангелическо-лютеранской церкви России Даниила Соболева Роману Лункину; №27 (март 2008): Немецкие лютеране – переселенцы из России в Германию. Иоахим Виллемс. *Перевод с немецкого Наталии Штильмарк*; №62 (май 2014): Лютеранская Церковь России: от немецкой идентичности к христианской открытости. Роман Лункин; №69 (ноябрь 2016): Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Ольга Позняк).

Два этнически окрашенных течения протестантизма имеют в России длительную историю – это лютеранство немецкое и лютеранство финское.

Со времён Петра Великого лютеранство приобрело по существу привилегированное положение второго государственного вероисповедания. Немцы, финны и другие выходцы из Западной Европы лютеранского вероисповедания не испытывали от властей никаких ограничений. Большинство российских императоров до самого падения монархии брали себе в жёны принцесс-лютеранок из королевских домов Северной Европы (разумеется, став российскими императрицами, они принимали православие, но в любом случае лютеранство не становилось для них чем-то чуждым и враждебным). Среди высшего и среднего класса российского общества доля немцев-лютеран была очень велика – чиновничество, генералитет, профессура, мир бизнеса и артистический мир России имели сильный немецкий акцент, с которым говорили российские лютеране. Родственные связи, учёба в Германии и вузах Прибалтики, переход некоторых лютеран в Православие сделали для русской элиты лютеранство близкой и понятной верой. Влияние лютеранства на русское православие и культуру в XVIII-XIX вв. ещё ждёт своих исследователей.

Одновременно с появлением в крупнейших городах России немецких лютеранских общин укореняется и скандинавская лютеранская традиция. Начало ей положили приходы финнов на территории нынешней Ленинградской области, которые уже

приняли лютеранство, находясь под властью Швеции. Они проживали в волостях Северной Ингрии (Ингерманландии), вошедших в русское государство в ходе войн между Россией и Швецией при Иване Грозном. В дальнейшем эти земли не раз переходили из рук в руки. Ко времени победы Петра I в Северной войне и возвращения устья Невы под скипетр русского государства там уже насчитывалось 28 лютеранских приходов, имевших многочисленные капелланские филиалы. Россия, таким образом, получила в наследство от Швеции лютеранскую церковь со сложившейся организацией и развитой инфраструктурой. С момента основания Петербурга в нём был организован шведско-финский приход Св. Марии, который стал со временем центром лютеранства скандинавской традиции в России и является таковым по сей день.

До XIX в. немецкое и скандинавское лютеранство развивались в России совершенно независимо, причём до второй половины XVIII в. представителей скандинавской традиции (в основном финнов) было даже больше, чем представителей немецкого лютеранства. Однако ингерманландцы-финны, в большинстве своём сельские жители, в дореволюционное время оставались маловлиятельной религиозно-национальной общностью, и их влияние по сравнению с влиянием немцев-лютеран на все стороны общественной и государственной жизни России было несравнимо мало.

В 1832 г. все различные течения и организации лютеранства на территории России (за исключением собственно Финляндии и Польши) были объединены в Евангелическо-Лютеранскую Церковь в России (ЕЛЦР), которая получила единый устав, согласно ему главой церкви являлся российский император, но оговаривалось его невмешательство в религиозные дела (такое положение вещей не противоречило доктрине лютеранства, поскольку ещё Лютер говорил о том, что церковь в своём общественном бытии как организация является частью светских институтов власти). Николай I выстроил здание единой Лютеранской церкви в своём любимом архитектурном стиле, в том же, в котором он строил и Русское государство, и Православную церковь – авторитарно-бюрократическом, единообразном и безгранично подвластном трону. С этих пор ингерманландцы оказались меньшинством в по преимуществу немецкой церкви. Только в 1917 г. после падения монархии ингерманландцы отделились от преимущественно немецкой церкви.

За годы советской власти легальное лютеранство было уничтожено. В местах ссылки русских немцев и финнов (в основном в Сибири и на Урале) сохранялись нелегальные и полулегальные общины, лишённые духовенства, церковных зданий и возможностей религиозного образования. Они в основном состояли из людей престарелых и не очень хорошо образованных. Перестройка-конец 80-х –начало 90-х гг. привели к бурному расцвету лютеранства- и немецкого, и финского. С помощью лютеранских церквей Германии и Финляндии строились кирхи, получали образование будущие священники, организовывалось и финансировалось социальное служение. Тысячи русских и финнов ринулись в «свои» этнические лютеранские церкви. Однако это национально - религиозное лютеранское возрождение было недолгим. Параллельно с религиозным пробуждением хлынул поток русских немцев и финнов в эмиграцию на родину предков. Большинство прихожан 80- х - 90-х гг. сейчас живут на Западе. В те годы численность лютеранских церквей после бурного роста начала резко падать.

Всё говорило о том, что у лютеранства в России нет будущего. Но у уезжающих нашлась замена – в лютеранство пошли русские. За последние 20 лет ситуация кардинально переменилась. Почти во всех крупных городах нашей страны существуют лютеранские общины, большинство членов которых – русские люди (или русские люди, имеющие среди своих предков немца или финна). В некоторых городах, например, Ижевске, Владивостоке, Красноярске, Новосибирске, Волгограде лютеранские приходы насчитывают сотни верующих. Столь же радикально изменился и социальный состав лютеранских общин – молодёжь, студенчество, люди с высшим образованием играют в них главную роль. Эти люди, своей жизнью отвергающие знаменитую сентенцию Ф. М. Достоевского «русский – значит православный», считают себя русскими патриотами и в то же время верными последователями лютеровского учения. Среди них распространены убеждения, что они даже лучшие, более верные последователи виттенбергского реформатора, чем современные немцы или шведы.

Еще в годы перестройки лютеране Германии и Финляндии приступили к широкой поддержке своих единоверцев в России. Причём лютеранство в Германии и Финляндии в XX в. сильно либерализовалось, и российские лютеране, почти все консерваторы, оказались со своими западными спонсорами, учителями и помощниками в сложных отношениях не только сотрудничества, но и конфликтов. Миссионеры из Германии вели себя более напористо и бесцеремонно, навязывая русским немцам свои порядки и свои представления. В результате, например, русским немцам было навязано женское священство, против которого до сих пор существует сильное недовольство. Но поезд ушел – в немецкой по происхождению ЕЛЦ служат несколько женщин пасторов.

ЕЛЦ и финская по происхождению церковь Ингрии на глазах русеют, а западные спонсоры из Германии и Скандинавии резко сокращают помощь. Многие общины, привыкшие жить на западную помощь, неожиданно полностью лишились ее. Сейчас они переживают болезненный процесс привыкания жить на свои. Обе церкви, начинавшие свое возрождение как этнические, объединяющие под своим крылом национальные меньшинства и тесно связанные с родиной предков, на глазах становятся в основе русскими, но естественно поддерживающими связи с единоверцами в разных странах мира. При этом, конечно, Германия никогда не сможет оказаться для лютеран совсем чужой. Родина Лютера и почти всей лютеранской теологии, родина Баха и большей части вдохновленной лютеранством светской культуры всегда будет вызывать особый интерес и симпатию у русских лютеран. Также как православным любой национальности близка греческая традиция.

Русское лютеранство – новое явление, но лютеранство в *России* - одна из старейших традиционных конфессий. Лютер прибил свои «95 тезисов против индульгенций» к воротам Виттенбергского собора в 1517 г., а уже в 1576 г. московские немцы строят первую в России лютеранскую церковь. Лютеранство не вызывало в России столь сильной идиосинкразии, как католичество. Вековой страх перед Римским папой, замышляющим католическую экспансию и закабаление Святой Руси, не распространялся на скромную этническую религию купцов, инженеров, врачей, офицеров и других профессионалов. Случаи миссионерства лютеран или добровольного принятия лютеранства русскими были крайне редки, тем более что власти и Православная церковь бдительно следили за тем, чтобы немецкая церковь немецкой и оставалась. Тем не менее нарушения этого правила приводили к

жесточайшим карам, о чём свидетельствует, например, сожжение на костре в царствование Алексея Михайловича пастора Кульмана, пытавшегося проповедовать среди русских.

Русское лютеранство формируется на наших глазах в ЕЛЦ и Церкви Ингрии, но есть в Сибири совсем небольшая лютеранская церковь, возникшая с самого начала как русская лютеранская церковь.

Первая община независимых и от ELKRAS и от Церкви Ингрии сибирских лютеран появилась в Новосибирске в 1991 году. Её возглавил Всеволод Лыткин. Всеволод Лыткин, коренной сибиряк, познакомился с лютеранством еще при советской власти в Эстонии.

Там он уверовал, крестился и стал практикующим лютеранином. С 1991 г. Лыткин стал проповедовать и организовал лютеранскую общину в новосибирском Академгородке. Затем он создал общины в Хакасии, Бурятии, Томской, Омской, Иркутской, Кемеровской, Свердловской и Читинской областях, а также в Красноярском крае. С самого начала большинство членов церкви и все священнослужители - русские и она развивается как русская лютеранская церковь. В качестве самостоятельной миссионерской единицы Сибирская лютеранская Церковь находилась в составе Эстонской лютеранской Церкви и подчинялась непосредственно её главе архиепископу Яану Киивиту. Все священнослужители СЕЛЦ получали ординацию в Эстонской церкви.

Сибирская Евангелическо-лютеранская церковь была официально создана в мае 2003 года, когда она получила автокефалию от Евангелическо-лютеранской церкви Эстонии. В 2005 году пастор Всеволод Лыткин был избран епископом Сибирской лютеранской Церкви, но еще не рукоположен, а поэтому именовался епископом-электусом. 6 мая 2007 г. в Кафедральном Домском Соборе св. Девы Марии в Таллине состоялось торжественное поставление первого епископа Сибирской Евангелическо-Лютеранской Церкви Всеволода Лыткина. С тех пор Сибирская евангелическо-лютеранская церковь (СЕЛЦ) имеет трехчастную иерархию и вполне самостоятельна.

Долгий путь к самостоятельности объясняется тем, что у СЕЛЦ складывались сложные отношения с другими лютеранскими церквями России. По словам Лыткина, лютеранские объединения, такие как Церковь Ингрии и ЕЛЦ, хотели видеть СЕЛЦ в своем составе: «Та церковь, которая нас съест, получит главенство в Сибири, а мы стараемся сохранить организационную независимость и культурную самостоятельность от финнов и немцев».

СЕЛЦ отрицательно относится к ЕЛЦ, считая её модернистской, бюрократической и духовно слабой. ЕЛЦ в свою очередь не менее отрицательно относится к СЕЛЦ. Среди причин этого - опасения успешной миссионерской деятельности СЕЛЦ среди сибирских немцев (на уровне рядовых верующих некоторые сибирские немцы-лютеране относятся к СЕЛЦ с большой симпатией).

Гораздо ближе СЕЛЦ в идейном плане Церкви Ингрии. СЕЛЦ вынуждена постоянно доказывать своё принципиальное отличие от Церкви Ингрии. В частности, последователи Лыткина постоянно стремятся найти “модернизм” в Церкви Ингрии. Например, подозревают её в терпимости к женскому священству. Лыткин также любит

указывать на национальный финский характер Церкви Ингрии (“а мы - русская церковь”).

Лидеры и ЕЛЦ, и Церкви Ингрии постоянно выражали своё недовольство «прозелитической» деятельностью СЕЛЦ. Руководство Евангелическо-лютеранской церкви Германии, ЕЛЦ, Церкви Ингрии в течение 90-ых гг. оказывали постоянное давление на Евангелическо-лютеранскую церковь Эстонии, стремясь добиться от неё прекращения рукоположения священнослужителей для СЕЛЦ. В результате этого давления в 1999 - сер. 2001 гг. в СЕЛЦ не было ординировано ни одного пастора или диакона, хотя у неё имелись подготовленные кандидаты, возглавляющие общины. В марте 2001 г. по инициативе Всемирной Лютеранской Федерации прошло консультационное совещание церквей Прибалтики и России, на котором было принято решение о том, что СЕЛЦ получит независимость от Евангелическо-лютеранской церкви Эстонии. Однако исполнение этого решения было затянато ещё на 6 лет.

В 1990-е- 2000 гг. СЕЛЦ получала значительную помощь от консервативной американской лютеранской церкви Миссури Синод. Миссури Синод была безразлична к интригам и конфликтам среди церквей, входящих во Всемирную лютеранскую федерацию. В эту федерацию миссурийцы не входят и вообще с иронией относятся к борьбе амбиций европейских лютеранских церквей. Благодаря этой помощи СЕЛЦ создала свою семинарию и организовала ряд просветительских и благотворительных проектов. Сейчас постоянной и значительной помощи из-за рубежа СЕЛЦ не получает.

Административный центр СЕЛЦ находится в Академгородке под Новосибирском. Там же самая большая община – св. Андрея. В ней более 150 чел.- в основном интеллигентная молодёжь, студенты, преподаватели (несколько докторов наук и больше десятка кандидатов, почти все с высшим образованием или студенты), творческая интеллигенция. Настоятель прихода – глава церкви епископ Всеволод Лыткин. В СЕЛЦ числится 21 община, из них несколько еле дышат, но несколько укоренились и растут. Одна община находится в Москве, одна в Екатеринбурге, остальные в городах Сибири. Крупнейшие (кроме Новосибирска) в Томске, Екатеринбурге, Новокузнецке, Чите и Абакане. У церкви нет возможности содержать всех клириков, большинство священников и диаконов зарабатывают на светской работе. Студентов семинарии, однако, содержат бесплатно.

В СЕЛЦ постоянно осуществляются разнообразные благотворительные проекты. Один из самых успешных социальных проектов – это устройство приюта для бомжей в Томске, в этой сфере сибирские лютеране опередили там даже католиков. В Новосибирске создан Центр кризисной беременности «Надежда», где стараются удержать женщин от абортов, оказывают психологическую и материальную поддержку, к примеру, памперсами и т.п. Новосибирский проект успешно развивается, есть уже несколько детей, которые родились, благодаря работе сотрудников Центра. Во всех приходах регулярно собирают средства и вещи для бездомных, оказывают материальную помощь детским больницам и домам ребенка. В Абакане священник Павел Заякин организовал живое скаутское движение, туда в его летние скаутские лагеря едут со всей Сибири.

В отличие от громадного большинства российских протестантов СЕЛЦ не является последовательным и принципиальным носителем демократических политических идеалов, хотя в первые годы своего существования она была активна в политике на стороне демократов. Тогда СЕЛЦ уделяла много внимания поддержке

демократических ценностей в политике. “День прав человека” был объявлен религиозным праздником, принципы религиозной свободы и демократии - одной из религиозных ценностей. Однако со временем наступило разочарование в правах человека и демократическом будущем России. Лыткин теперь говорит: «нельзя безусловно поддерживать доктрину прав человека, поскольку она может предполагать права гомосексуалистов и женское священство. Наш народ не готов к демократии и ему, возможно, больше подошла бы просвещённая монархия. У нас особая страна. Мы - скорее азиаты, не европейцы, у нас другой менталитет. Попытка сделать россиян европейцами после перестройки привела лишь к анархии. В России всё-таки должна быть вертикальная власть, жёсткая система для того, чтобы был порядок. В этом мы азиаты. Поэтому я думаю, что и назначать губернаторов «сверху» правильно. Для нашей страны демократия пока не подходит. Может быть, это будет только через 100-200 лет. У нас в России только недавно был рабовладельческий строй, и прыгнуть в демократию сразу нельзя. Мы должны понимать, что безнадежно отстали. Тем более, что мы видим, как демократия скоро приведет Европу к халифату. Странно наблюдать при этом, как, европейская демократия оказывает давление на христианские церкви с тем, чтобы они, например, уравнивали в религиозных правах мужчин и женщин». При этом лидеры церкви упирают на лютеровскую доктрину разграничения Евангелия и закона.

В богослужебных, литургических вопросах в СЕЛЦ наблюдается сильный крен в сторону православия и католичества. Лыткин и его товарищи гордятся тем, что они получили апостольское преемство от Церкви Эстонии. СЕЛЦ привержена пышному (по лютеранским меркам) и всё удлиняющемуся обряду, красочным облачениям. Лыткин так комментирует сложившуюся ситуацию: «Среди наших прихожан есть много выходцев из пятидесятнических церквей, из новых движений, основанных американскими миссионерами. И я считаю, что это естественно. Для нашего советского человека естественно присоединиться сначала к церкви, где два притопа, три прихлопа, уже потом человек ищет литургию, таинства и т.д. Один человек, выходец из баптистской церкви, когда увидел нашу литургию, то сказал, что их богослужения можно назвать скорее капустником».

Лыткин подчёркивает важнейшее значение литургии в жизни церкви и терпимо относится к литургическим заимствованиям из православия и католичества. Лыткин и его единомышленники с большим интересом относятся к богослужебной практике существующей на Западной Украине (г. Тернополь) Лютеранской церкви восточного обряда. В нач. 2000 г. Лыткин объявил, что в его церкви признаются решения всех семи Вселенских Соборов, в т. ч. и седьмого. Поэтому необходимо вернуться к иконопочитанию. В неделю Торжества Православия в богослужебном помещении были торжественно водружены иконы («Радонеж», со ссылкой на «Радиоцерковь», 2000, № 5-6).

Однако в теологии, мировоззренческих вопросах Лыткин явный западник: «Я бы сказал, что многим людям, получившим в нашей стране университетское образование, ближе западный вариант христианства, западная литургия, западный стиль мышления. Они не очень комфортно чувствуют себя в Православной Церкви, однако по тем или иным причинам у них есть предвзятое отношение к Католической Церкви. Таких людей много в лютеранстве, и я бы себя также к ним отнёс. На занятиях мы постоянно читаем и разбираем Библию. Христианин должен знать и понимать Слово Божие, иначе какой- же он христианин, если не знает и не понимает во что он верит». Лыткин

считает, что само отношение между людьми в лютеранской церкви иное, чем в окружающем постсоветском обществе: «Во-первых, лютеранство воспитывает уважение к окружающим. Во-вторых, определённая толерантность. Хотя, конечно она должна быть, в меру. Например, мы видим, что сейчас в Европе – толерантность не в меру. Кажется, что она распространяется только на мусульман, а европейцы боятся говорить о своих правах. В-третьих, это уважение другой точки зрения (конечно, той, которая не несет разрушения, как фашизм, коммунизм и иные радикальные взгляды). Права существуют для всех или же не для кого».

Парадоксально складывается отношение к германскому духовному наследию в церкви. Только сейчас, когда СЕЛЦ стала полностью независимой русской церковью, лидеры СЕЛЦ осознают его значение для лютеранства. Новосибирский пастор Павел Храмов отмечает: «от немецкой культуры у нас осталось меньше, чем нужно благочестивым лютеранам. Только сейчас мы осознаем музыку Баха и других немецких композиторов, как музыку церковную, как откровение. Сейчас находим переводы и переводим сами тексты гимнов и хоралов. Да и Лютера мы мало знали, к тому же многое не переведено. Немецкий – не английский, его мало кто знает. Но как раз сейчас начинаем по-настоящему осваивать Лютера. Люди идут в нашу церковь из-за ее интеллектуализма. А ведь интеллектуализм лютеранства без лютеровской теологии ущербен».

Лютеранство в начале XXI века оказалось религиозной нишей, в наибольшей степени приемлемой для определенного круга русских людей, ищущих Бога, но не способных найти Его ни в православии, ни в более радикальных формах протестантизма.

Каковы же основные черты лютеранской религиозности, оказавшиеся в наши дни притягательными для русских людей?

Лютеранство стало первым по времени возникновения успешным течением протестантизма. В отличие от баптизма, методизма или адвентизма оно не содержит крайних богословских выводов протестантизма, сохраняет многое из католического наследия. Признавая абсолютное всемогущество Бога и спасение лишь дарованной Богом верой, лютеранство не делает вывода об изначальном, до сотворения мира предопределении одних к избранию, а других к гибели.

Лютеранство по сравнению с другими течениями протестантизма литургично. В лютеранстве признаётся благодатность таинств-крещения, причащения, исповеди и «тайнодействий» (т. е. как бы таинств)-брака, рукоположения, соборования и конфирмации. Лютеранское богослужение в отличие от богослужения в большинстве других протестантских течений играет в духовной жизни верующих большую роль, оно более торжественное и мистичное. Насколько большую роль играет в лютеранстве культ, настолько меньшее значение придаётся соблюдению формальных моральных правил в повседневной жизни. Бог требует от лютеранина свободного и осознанного ответа на свою любовь, а не исполнения каких либо мелочных предписаний. Библия для лютеранина- источник истины, но он не ищет в ней конкретных ответов на свои вопросы, она для него- скорее основание для размышлений и собственных выводов.

Лютеранство строго различает сферу «Евангелия»- собственно религиозную жизнь и сферу «закона», регулируемую государством. Поэтому лютеране легко уживались и с монархическими (Швеция, Дания, Норвегия, Германия до 1914 г) и с республиканскими режимами (США, послевоенная Германия, Финляндия, Исландия).

Сфера политики и общественной жизни признаётся автономной, в неё церковь прямо не вмешивается, но от верующего требуется исполнение гражданских обязанностей, т. е. этого хочет Бог.

Лютеранство позволяет сочетать веру и разум, оно литургично и одновременно интеллектуально, оно имеет глубокую связь с европейской культурой (и легко позволяет устанавливать эту связь с культурой русской). Оно ориентировано на западные политические ценности, но не связано с ними так прямолинейно, как баптизм или пятидесятничество. В нём есть место и консерваторам, и либералам. И ко всему этому ему присуща богатая общинная жизнь с разнообразными социальными проектами. Сочетание всех этих черт, частично свойственных другим христианским церквям, существующим в России, делает лютеранство уникальным религиозным явлением.

СЕЛЦ – это первая лютеранская церковь, в которой русские установили свои порядки. Это лютеранская церковь русской культуры. Вполне возможно, другие русские люди придали бы лютеранству другие черты, но на глазах русеющие российские лютеранские церкви немецкой и финской традиции могут видеть в особенностях СЕЛЦ те искушения, которым и они могут подвергнуться.